

Историческое воображаемое в литературе

Анатолий Корчинский

Воображая историю:

В МЕСТО ВВЕДЕНИЯ

Anatoly Korchinsky

Imagining History: Instead of an Introduction

Анатолий Корчинский (Российский государственный гуманитарный университет, доцент, заведующий кафедрой теории и истории гуманитарного знания; кандидат филологических наук) korchinsky@mail.ru.

Anatoly Korchinsky (PhD; Associate Professor, Chair of the Department of Theory and History of Humanitarian Knowledge, Russian State University for the Humanities) korchinsky@mail.ru.

Ключевые слова: историческое воображение, историческое воображаемое, историзм, художественные практики

Key words: historical imagination, historical imaginary, historicism, artistic practices

УДК: 821.161.1

DOI: 10.53953/08696365_2024_186_2_37

UDC: 821.161.1

DOI: 10.53953/08696365_2024_186_2_37

Настоящая заметка представляет собой вступление к серии статей авторского коллектива, заинтересованного в изучении исторического воображаемого в литературе и других видах искусства. В предлагаемой подборке представлены опыты анализа литературных текстов, проблематизирующих те или иные форматы имажинативного моделирования истории. В работе намечается теоретическая база для современного возвращения к исследованию «исторических культур» в художественных практиках.

This note is an introduction to a series of articles by a group of authors interested in the study of the historical imaginary in literature and other forms of art. The set of publications presents experiences of analysing literary texts that problematise certain formats of imaginative modelling of history. The paper outlines a theoretical basis for a contemporary return to the study of “historical cultures” in artistic practices.

В последние годы в гуманитарных исследованиях активизируется интерес к различным формам и образам «исторического»¹. Отчасти этот «поворот» напоминает прежние, связанные, скажем, с развитием «новой культурной и ин-

1 См., например, о возрождении проблематики историзма как одной из наиболее влиятельных форм «исторического»: [Олейников 2021a].

теллектуальной истории» [Берк 2015; Репина 1996], большой индустрией фукольдиданских исследований или рефлексией «режимов историчности» [Артог 2008]. Но в то же время, кажется, кое-что поменялось.

С одной стороны, чувствуется известная усталость от презентистской проблематики памяти как чего-то, что не столько обращает людей к истории, сколько, напротив, отчуждает от нее, превращая образы любых, порой весьма отдаленных, эпох в то, что не имеет собственного — исторического — значения, а является частью неотступного всепоглощающего настоящего². С другой стороны, сама оппозиция «истории» как строго академического дискурса и «памяти» как того, что переживается лично и коллективно, обсуждается и оспаривается в публичном пространстве, — сама эта оппозиция смещается и расплывается под натиском политизации, предстающей как в форме традиционного поиска легитимности для тех или иных решений власти, так и в форме морально-политического пересмотра господствующих нарративов и даже самой онтологии исторического времени [Олейников 2016; 2021б; Бевернаж 2021].

Культура памяти наряду с культурой научного историописания и культурой историософских спекуляций оказывается частью более широкой культуры образно-символического представления (об) истории [Васильев 2014; Репина 2006]. Сегодня об «историческом» [Landwehr 2014: 298] как о специфичном для того или иного сообщества способе конфигурировать образы прошлого, настоящего и будущего порой говорят как о терминологической альтернативе самому понятию «истории» с его отчетливо метафизическим привкусом [Ibid.: 9—31]. Эти культуры «исторического» могут сосуществовать и взаимодействовать, по-разному интерпретируя и репрезентируя динамику времени, причинность и событийность, законы и цели истории (если они предусмотрены в данной картине мира).

Подход, позволяющий исследовать историю «исторических культур», известен давно [Rüsen 1994; Woolf 2003]. Однако сегодняшняя его актуализация подразумевает интерес к таким версиям «исторического», которые по тем или иным причинам оказались незамеченными, неактуальными, подавленными или вытесненными. Причем речь идет не только о самой «истории побежденных», которой воздают должное различные критические направления мысли — от деколонизализма до феминизма. Скорее начинается разговор именно о поиске и высвобождении других, неочевидных моделей «исторического», что позволит иначе увидеть саму историю воззрений на историю.

Например, в актуальной дискуссии об историзме³ как важном измерении модерности⁴ и характерном для него моделировании исторического вре-

2 Критику самой концепции презентизма как «эпохи памяти» с позиций теории исторического времени, по-новому ставящей вопрос о том, как разные индивиды и группы представляют себе свое бытие в истории, см. в: [Лоренц 2021: 35].

3 Здесь и далее мы будем понимать под историзмом не любые способы исторического объяснения тех или иных явлений, а такой тип мировоззрения, в котором историчность *всех явлений* является базовой онтологической предпосылкой. В противоположность этому некоторые исследователи истолковывают историзм очень широко и считают возможным, например, говорить о мифе как «типе историзма», см.: [Барг 1987: 8].

4 Любопытно, что о новой «необходимости историзма», предвзято сегодняшнюю критику презентистского «преодоления» этого «режима историчности», уже в 2010 году писал Ф.Р. Анкерсмит [Ankersmit 2010].

мени⁵ можно выделить два главных мотива. Первый — это контингентность (не-необходимость), второй — мультитемпоральность (сосуществование в рамках «современности» разных временных темпов и планов, не сводимых к единой исторической логике). Они противостоят следующим основным мотивам классического современного историзма: гипотезе о трансцендентном или имманентном «начале» (духе, законе, смысле, механизме, поветрии и т.п.), направляющем исторический процесс, о телеологическом движении истории, некотором — восходящем или нисходящем — «пути» ее следования (прогрессе или, шире, развитии), линейной однонаправленности, последовательности и поступательности, а также всеобъемлющей «исторической обусловленности» всех вещей и событий, подразумевающей либо необходимость и типичность всего исторического, либо его случайность и уникальность. При этом, как показывают исследования, контингентность и мультитемпоральность как глубинные онтологические интуиции имели место с самого начала формирования исторических культур «современности» [Йорджайм 2021: 105–106; Мейнеке 2004: 8; Koselleck 2000: 9] и, по-видимому, на какое-то время были отодвинуты на культурную периферию господствующим типом историзма [Bevir 2015]. Однако, вероятно, произошло это именно потому, что множественность⁶, заложенная в историческом мироощущении модерна, как раз и дала возможность одним представлениям (например, одной из возможных исторических траекторий или одному из существующих темпов исторического «развития») возобладать над другими в тех или иных ценностно-идеологических видах и перспективах, что, конечно, касалось и научной историографии как культурной формации модерна. И даже в рамках этой формации обнаруживается не один, а два (и — вероятно — более) типа историзма.

В других исследованиях (например, в публикуемой в настоящем номере статье Хейдена Уайта о «Войне и мире» Л.Н. Толстого) мы видим, что культурным пространством для генерирования альтернативных форм «исторического» (а возможно, и типов историзма) становится искусство, прежде всего литература (будь то фикшен, нон-фикшен или автофикшен), кинематограф, песенная музыкальная культура и т.д. В связи с этим в предлагаемой серии работ мы постараемся актуализировать и развить подход, который тот же Уайт в своей классической работе «Метаистория» связал с понятием «исторического воображения». Нам представляется, что эта категория прекрасно подходит именно к исследованию различных художественных практик, которые, как мы предполагаем, еще слабо изучены с точки зрения анализа «исторических культур»⁷.

5 См. серию публикаций, подготовленных в последние годы исследовательской группой А. Олейникова, И. Кобылина, Ф. Николаи и др., представленную в журналах «Социология власти» (2016. № 2), «Новое литературное обозрение» (2019. № 155), «Логос» (2021. № 4), «Неприкосновенный запас» (2022. № 2 (142)), включая переводы работ Л. Альтюссера, Ж. Рансьера, Р. Козеллека, Х. Уайта и других ведущих теоретиков исторической темпоральности.

6 Причем речь, по-видимому, должна идти не только о «множественной модерности» [Eisenstadt 2000] как множестве национальных сценариев модернизации, а о внутренней множественности самого «основного» («западного») варианта модерна.

7 Любопытный вариант «уайтовской» поэтики «исторического» представляет собой книга Стивена Бенна «Одежды Клио», написанная в 1984 году и посвященная как историографическому дискурсу, так и иным практикам — живописи, музейному делу, литературе и др. [Бенн 2011].

У самого Уайта ставка на «воображение» (хотя в его тексте оно подчас выступает ситуативным синонимом «сознания» и «мышления» [Уайт 2002: 19]), по-видимому, ассоциируется как раз со скрытой литературностью исторического письма.

Таким образом, мы считаем, что «метаисторию» Уайта сегодня интереснее прочитывать не как «постмодернистский» манифест, «деконструирующий» миф об истории как науке, способной говорить о подлинной реальности прошлого, а как постановку вопроса о том, каким образом эта наука, а также другие дискурсы модерна, в том числе художественные, может рассматриваться в качестве одной из «исторических культур» — одной из форм производства «исторического»⁸. И в этом смысле у нее есть своя прагматика (моральная и политическая), хотя установка на научность затрудняет разговор об этой прагматике в контексте того, что поздний Уайт называет «практическим» пониманием прошлого [White 2014]. В этом смысле понятие «исторического воображения», как нам кажется, можно распространить не только на историографию и историософию, но и на другие «исторические культуры».

Однако обычно изучение «исторических культур» опирается прежде всего на категорию «исторического сознания» [Репина 2006: 14; Rüsen 1994: 5–7]. Приведем два, на наш взгляд, наиболее характерных определения этого понятия. Первое принадлежит Юрию Леваде и, судя по упоминаниям в современной литературе, считается весьма удачным и релевантным:

Этим понятием охватывается все многообразие стихийно сложившихся или созданных наукой форм, в которых общество осознаёт (воспринимает и оценивает) свое прошлое, — точнее, в которых общество воспроизводит свое движение во времени [Левада 1969: 191].

Вторая дефиниция была предложена Б.Г. Могильницким:

Историческое сознание — совокупность представлений, присущих обществу в целом и составляющим его сегментам в отдельности, о своем прошлом и прошлом всего человечества... Это те «исторические предания», которые составляют неотъемлемую принадлежность духовной жизни каждого народа, способ его самовыражения, и это придает историческому сознанию сильную эмоциональную окраску. История органически присутствует в сознании общества. Историчны все составляющие его элементы — взгляды, идеи, политические и иные теории и т.п. [Могильницкий 2014: 189].

Если бы мы попытались дать определение предпочитаемому нами термину «историческое воображаемое» (далее я поясню, почему в таком генерализованном контексте лучше говорить о «воображаемом», а не о «воображении», как было у Уайта, хотя эти термины коррелятивны, обозначая, по сути, два аспекта одного и того же явления), то по многим параметрам оно бы совпало с приведенными формулировками. Действительно, «историческое воображаемое» в интересующем нас смысле тоже, скорее всего, феномен коллективный, связанный с ментальным моделированием не только прошлого, но и других

8 Несколько иную, но в конечном счете сближающуюся с нашей интерпретацию роли Уайта для современных исследований уже предлагали И. Кобылин и Ф. Николаи на страницах «Нового литературного обозрения» [Кобылин, Николаи 2019].

временных планов и измерений (как минимум настоящего и будущего), а главное — оперирующий «формами», «представлениями» и «преданиями».

Возможно, в общефилософском плане «формы», «представления» и «предания» лучше ассоциируются именно с «воображаемым», ведь оно, в отличие от «сознания», по большей части имеет дело с образно-формальной, нежели содержательно-смысловой стороной «исторического». Во всяком случае, Уайт, занимавшийся тропами, «мировыми гипотезами» в духе Стивена Пеппера и типами «сюжета» в духе Нортропа Фрая, кажется, довольно близко подошел именно к «формам», «представлениям» и «преданиям» как неявным основаниям исторического знания. Уже на этом уровне «воображаемое» как понятие гораздо точнее соответствуют обозначаемому предмету при всей его принципиальной размытости (или благодаря ей).

А теперь посмотрим, какие аспекты изучения «исторического» категория «сознания», в отличие от «воображаемого», игнорирует и даже подавляет. В обоих случаях бросается в глаза стремление авторов помыслить «историческое сознание» как некое обобщающее единство или тождество, в котором сливаются и «синтезируются» любые различия. У Левады мы видим тотальное и гомогенное понятие общества, у Могильницкого — понятие народа, в котором выделяются «составляющие его сегменты», но и тут строго постулируется, что эти сегменты представляют собой лишь «органические» (в соответствии с терминологией автора) части целого. Думаю, именно это неизбежно приводит любые исследования «исторических культур», опирающиеся на категорию «сознания», к поиску «общего знаменателя» и к утверждению господствующих форм «исторического» (например, к описанию модерна исключительно как эры классического линейно-прогрессистского историзма). И именно такой унификации позволяет избежать более «рыхлое» понятие «воображаемого»: «минус» снова оказывается «плюсом»! Когда мы изучаем образы истории, нам интересны скорее именно их множественность и разнообразие. Это не мешает интересующим нас образам становиться или изначально быть стереотипными или типичными, но даже их сугубая индивидуальность не мешает самой аналитической категории учитывать *общий*, коллективный характер тех *тенденций*, в которые эти уникальные образы могут встраиваться. Как мы помним, едва введя свою, казалось бы, довольно строгую систему типов «исторического воображения», Уайт сразу же заявляет, что эти типы в каждом индивидуальном случае могут комбинироваться самым нетипичным образом [Уайт 2002: 50], что вовсе не лишает предлагаемую типологию аналитического потенциала.

У «воображаемого» есть еще одно свойство, которое делает его более выигранным по сравнению с «сознанием». Оно особенно важно для работы с этой категорией в области искусства, однако не только искусства. Дело в том, что многие теоретики «воображения» и «воображаемого», о которых мы скажем чуть ниже (в особенности Ж.-П. Сартр), настаивают, что все воображаемое нами — замещает ли оно реальный предмет или является просто вымыслом, сном, галлюцинацией — дается нам как присутствие того, что отсутствует. Для «сознания» это создавало бы, наверное, большие проблемы, так как для него всегда будет неустранимо требование адекватности, соответствия некоторому положению дел и т.д. «Сознание» не может полностью выпасть из реальности, для «воображаемого» же это в порядке вещей, даже если мы говорим не о намеренно фикциональных практиках, распространенных в художественной

культуре, эта тяга творить ex nihilo оказывается важнейшим измерением «исторического воображаемого».

Таким образом, осознавая, что «историческое сознание» и «историческое воображаемое» суть очень близкие понятия, для своего анализа мы выбираем второе.

Как уже говорилось, понятие «воображаемого» особенно полезно для анализа произведений искусства. Оно позволяет как уделить преимущественное внимание образности и форме, так и учесть индивидуальное (в «высоком», авторском искусстве) на фоне типического (в нем же) или стандартизированного (в искусстве массовом). Кроме того, для нас чрезвычайно важно, что эта категория подразумевает не только изучение тех или иных случаев изображения исторических событий в произведении, не только поэтику специализированных жанровых форм типа исторического романа, исторической лирики или драмы [Сорочан 2015: 4–5] и даже не только анализ стратегий конструирования прошлого в искусстве [Жанайдаров 2017: 28–29]. Важно именно то, что у нас будет инструмент, с помощью которого мы сможем воссоздать стратегии и тактики художественного моделирования «исторического» в целом, учитывая все предполагаемые им временные планы и соотношения между ними.

Однако, как мы помним, классический подход Уайта, хоть отчасти и опирался на литературоведение, был создан для работы с историографией и историософией. Значит, для того чтобы его использовать в исследовании художественных произведений, его нужно как-то модифицировать.

Думается, сначала нужно наметить, в каком теоретическом контексте в принципе находится разговор об «историческом воображении/воображаемом» в гуманитарном знании вообще, и в поэтике/эстетике в частности. И здесь я должен сделать оговорку, что, рискуя впасть в старомодный литературоцентризм, в целях компактности изложения вынужден пока пренебречь важнейшим, в сущности, различием между литературой и другими искусствами.

Итак, сначала обещанный комментарий о соотношении терминов «воображение» и «воображаемое». В довольно широкой традиции социального анализа, к которой нам здесь хотелось бы примкнуть и о которой чуть подробнее мы скажем ниже, используются оба термина — и «воображение» (англ. *imagination*, фр. *imagination*, нем. *die Imagination*) и «воображаемое» (англ. *imaginary*, фр. *imaginaire*, нем. *das Imaginäre*), схватывая различные аспекты этого весьма масштабного, как мы могли убедиться, феномена. В самом простом значении термин «воображение» ассоциируется с *действием* или *процессом*, «воображаемое» же — с *результатом* этого действия или процесса. В более сложной смысловой констелляции «воображение» и «воображаемое» можно соотнести как *функцию* или *способность* (к определенному рода деятельности) и как *структуру* или *инстанцию*, ответственную за осуществление этой функции/способности, причем инстанцию психическую и одновременно — социокультурную [Касториadis 2003: 9; Iser 1991: 354]. Поэтому удобно использовать эти термины в паре, ситуативно актуализируя одни или другие значения. Так поступал, например, уже Ж.-П. Сартр, фиксируя эту терминологическую двойственность в самом названии своего известного сочинения: «Воображаемое. Феноменологическая психология воображения» («L'Imaginaire: Psychologie phénoménologique de l'imagination»). У него, впрочем, эти понятия распределяются не совсем так, как было предложено нами выше. Он разводит их по аналогии с гуссерлевским различием «ноэтического» («ноэзиса») и «ноэ-

матического» («ноэмы») [Сартр 2001: 52], что в несколько упрощенной форме будет выглядеть как оппозиция между *актом* воображения и воображаемым как некоторым *содержанием*. Для нашего дальнейшего анализа этот оттенок тоже имеет значение.

При этом «старшим», семантически объемлющим мы будем считать термин «воображаемое», поскольку он (в значении «инстанции») описывает само условие возможности «воображения» или (в значении «содержания») указывает на саму «материю» искомого предмета исследования, к пониманию которого должно вести то, как функционирует «воображение» (в значении «акта»). Далее мы будем придерживаться контекстуальных вариантов этой — подчеркнем, вынужденно упрощенной — семантической схемы.

Условно можно выделить две традиции в теории «воображаемого». Одна из них концентрируется на душевной жизни субъекта и рассматривает воображаемое как ключевую инстанцию, отличную и от чувственного опыта, и от интеллекта. Значимость структур воображаемого в устройстве сознания/разума отмечалась еще Т. Гоббсом, Дж. Локком, Д. Юмом, И.Н. Тетенсом, И. Кантом и др., затем стала центральной у романтиков (например, С.Т. Кольриджа), в XX веке феноменологически изучалась тем же Ж.-П. Сартром и психоаналитически — Ж. Лаканом [Iser 1991: 292—316]. Другая, более молодая, традиция интересуется не индивидуальным, а коллективным воображаемым. В контексте разговора об истории, помимо Уайта и в несколько ином смысле, чем вкратце обрисованный нами выше, на средневековом и возрожденческом материале воображаемое исследовали некоторые представители школы «Анналов» [Ле Гофф 2001]. Также это понятие продолжают использовать и их последователи в уже более близком нашему пониманию (Р. Шартье со ссылкой на Ж. Дюби [Шартье 2002: 44—45]).

Далее, в современной политической философии распространен термин «социальное воображаемое». О нем как о ключевом факторе общественно-исторических изменений в 1970-х годах писал уже К. Касториадис [Касториадис 2003: 124, 273—278]. Ч. Тейлор рассматривает «модерное социальное воображаемое» как такой «моральный порядок» и политическую культуру, для которой характерен своего рода «конструктивизм», предполагающий готовность больших групп людей принимать на вооружение различные «теории», то есть планы исторических преобразований общества как «естественную» мотивацию в рамках повседневной практики [Тейлор 2017: 226]. При этом воображаемое у Тейлора, что важно для нас, описывается как «преимущественно неструктурированное и невыражаемое понимание» социального порядка, которое «невозможно адекватно сформулировать в виде какой-то ясной доктрины... в силу отсутствия у него четких пределов и границ» [Там же: 222]. В несколько ином, но также релевантном для понимания современных форм «исторического» значении о воображаемом писал Б. Андерсон в связи с процессом становления наций как «воображаемых сообществ», единство которых для их членов определяется не столько понятийно-дискурсивными конструкциями, сколько образными представлениями [Андерсон 2016].

Уже в этих теориях — без специальной проработки эстетических вопросов — возникает мысль о художественных практиках как существенном и специфическом элементе общественного и исторического воображаемого. Например, анализируя современный роман как один из важнейших «поставщиков» образности для формирования национальных «воображаемых сообществ»,

Б. Андерсон рассматривает романские формы как достаточно стандартный инструмент генерирования представлений о единстве общества, хотя конкретные литературные приемы у разных авторов могут различаться. Отметим также, что Андерсон акцентирует внимание именно на производстве типового романного сюжета, который с помощью специальных повествовательных приемов принудительно синхронизирует все события и персонажей, собирая их в едином хронотопе современности как части «гомогенного, пустого времени» (что опять-таки будет важно для нас в дальнейшем; описывая национальные исторические нарративы, Андерсон пользуется терминами и отчасти методом В. Беньямина) [Там же: 48—58]. Перед нами, таким образом, предстает один из ликов того исторического воображаемого, которая лежит в основе доминирующего типа современного историзма.

Каким образом концепт «воображаемого» из социальной теории можно применить к специфическим задачам исследования художественных явлений? В начале 1990-х годов Вольфганг Изер предлагает новое понимание воображаемого в литературе, которое объединяет в себе две отмеченные тенденции мысли, описывая как эстетическую оптику авторов (и читателей), так и структуры коллективного опыта, реализуемые ими и характерные для соответствующей социальной среды и культурной эпохи. В своем проекте «литературной антропологии» [Iser 1991: 9—17] Изер «добраивает» теоретическую модель рецептивной эстетики, не столько «возвращая» в теорию фигуру автора после ее «низвержения» в (пост)структуралистской поэтике 1960—1970-х годов, сколько рассматривая литературу как один из видов культурно-антропологического опыта, сосредоточенного на работе с (индивидуальным и коллективным) воображаемым. Литература, согласно этой гипотезе, воспроизводит исторические формы такого воображаемого, участвует в их трансформации и генерировании новых, а также рефлексивует сам процесс и саму функцию воображения и его механизмы.

Изер использует идею Р. Ингардена о «схематизации» и «конкретизации» в процессе понимания литературного текста, когда читатель находит в произведении свернутую, сокращенную «схему» изображаемого мира и добраивает ее в своем воображении до полноценного образа, обогащая опущенными в тексте деталями, актуализируя и как бы «оживляя» ее. Изер предполагает, что, двигаясь от материализованной в тексте модели мира, можно совершить и обратное движение, и тогда литература, понятая как коммуникация между автором и читателем, даст материал для реконструкции не только читательского, но и авторского воображаемого. «Схема» вымышленного мира при этом становится «следом», позволяющим воссоздать деятельность воображения как «акта вымысла», состоящего из «акта селекции» и «акта комбинации» (Изер находит место и структуралистским аналитическим приемам, в данном случае принадлежащим Р. Якобсону). Иными словами, мы изучаем поэтику текста не как самоценный объект, а как «документ», свидетельствующий о воображаемом автора, а также о предполагаемом им воображаемом «имплицитного читателя».

Эта объемная картина позволяет говорить не просто о репрезентации в тексте некоторой исторической реальности, а о конкретно-исторических формах и механизмах литературного воображения (авторского и читательского). Вместо традиционной диады «реальность — вымысел» возникает триада «реальность — воображаемое — вымысел» с принципиальным акцен-

том на воображаемом, потому что и вне литературы люди имеют дело не столько с реальностью, сколько с ее образом (образами), в литературе же этот образ удваивается и видоизменяется в формах вымысла (понимаемого, как видим, весьма широко). Такое удвоение Изер считает важнейшим антропологическим свойством литературного воображения и способности к вымыслу. Оно делает возможным не просто «отражение» реальности или ее коллективных образов в мире произведения, но и рефлексию, по крайней мере потому, что литературный опыт принуждает нас сопоставлять мир фантазии с миром реальности, то есть — на самом деле — одни образы воображаемого с другими. Эта работа с репрезентацией на всех ее уровнях — от образного представления до символизации — делает литературу мощным инструментом воздействия на коллективное (в том числе историческое) воображаемое, а также инструментом его рефлексии и критики.

Необходимо подчеркнуть, что многие из упомянутых теоретиков воображаемого — особенно Касториадис и Изер — делают ставку не на статичное воспроизводство тех или иных структур, а именно на активный, деятельный, перформативный (от слова «перформанс») характер этого явления [Касториадис 2003: 9–10; Iser 1991: 481–504]. Воображение не столько «представляет» (себе и другим) нечто об обществе, человеке и истории, сколько представляет само событие представления, рефлексивно удваивая саму (ре)презентацию.

Если с этим вернуться к Уайту, то его знаменитую тропологию можно дополнить, скажем, идеей Касториадиса об образе, являющемся самостоятельным творческим началом, а не «образом чего-то», репрезентирующим некоторый, более реальный оригинал [Касториадис 2003: 9]⁹. Кроме того, и уайтовская «сюжетология» также нуждается в развитии с точки зрения динамического представления о работе воображения. В «Метаистории», впрочем, говорится о «сюжетостроении» (emplotment) как некотором действии, но все-таки сам «сюжет» (повествовательное высказывание и его содержание) рассматривается скорее как артефакт, как готовый продукт. Подвижное соотношение между рассказываемыми событиями и рассказом как высказыванием, а также между этим высказыванием и актом, который его порождает [Женетт 1998: 64], в известной мере остается за кадром. Поэтому функционирование исторического воображаемого в литературе мы стараемся описывать в динамических и акциональных терминах. Что касается образов и символических форм, то здесь мы тоже предлагаем не опираться на устойчивые тропологические модели, а скорее рассматривать текучесть и множественность образно-семантических трансформаций.

Впрочем, справедливости ради нужно отметить, что сам Уайт, например в анализе «Войны и мира», акцентирует внимание именно на том, что Толстой отказывается подчинять историю (и как history, и как story) «сюжетной» телеологии и вообще какой-либо логической схеме развития. Наоборот, благодаря своей особой нарративной технике он ввергает читателя в мощный поток слабо связанных друг с другом впечатлений и аффективных переживаний, ощущаемых героями в тех или иных исторических ситуациях. «Субъективная» и перформативная деятельность нарратора активизирует читательскую вовлеченность

9 В качестве дальнейшей перспективы полезно подумать о применении делёзианского концепта динамического образа или агембенковского понятия жеста как базового элемента исторического воображения в искусстве.

как бы в ущерб «объективной» конструкции «сюжета», прямо в процессе своего развёртывания распадающегося в сериях образных метаморфоз.

Это, в свою очередь, дополняется тем, как поздний Уайт истолковывает историческое воображаемое модерного романа, которому, в отличие от возникающей параллельно научной историографии, подчиненной императиву строгого объективизма, вменяется в обязанность работа с текущими и изменчивыми образами современности, не просто соизмеряя опыт своих читателей с исторической эпохой, но и присваивая себе утраченную исторической наукой привилегию — быть *magistra vitae*, в связи с чем для романа открывается опция внедрения вымысла в историю, отступления от строгой хронологии и т.п. [White 2014: 10].

Именно этот — действенно-перформативный — аспект произведения мы и решили поставить в центр нашего рассмотрения в кейсах предлагаемой серии работ. Мы попробуем показать, что художественная рефлексия «исторического» нередко становится полемическим жестом в поле общественной коммуникации, оспаривающим и «взламывающим» готовые схемы, стимулируя историческое воображение читателя, а также предлагая альтернативные сценарии хода истории и возможности для исторического (не)действия.

Библиография / References

- [Андерсон 2016] — *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Пер. с англ. В.Г. Николаева. М.: Кучково поле, 2016.
- (*Anderson B.* Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. Moscow, 2016. — In Russ.)
- [Артог 2008] — *Артог Ф.* Порядок времени, режимы историчности / Пер. с фр. А. Беляк // Неприкосновенный запас. 2008. № 3. С. 19—38.
- (*Hartog F.* Régimes d'historicité: présentisme et expériences du temps // *Neprikosnovennyi zapas*. 2008. No. 3. P. 19—38. — In Russ.)
- [Барг 1987] — *Барг М.А.* Эпохи и идеи. Становление историзма. М.: Мысль, 1987.
- (*Barg M.A.* Epokhi i idei. Stanovlenie istorizma. Moscow, 1987.)
- [Бевернаж 2021] — *Бевернаж Б.* «Прошедшее прошлого»: некоторые размышления о политике историзации и кризисе истористского прошлого / Пер. с англ. А. Егоровой // *Логос*. 2021. Т. 31 (4). С. 65—94.
- (*Bevernage B.* The Pastness of the Past: Some Reflections on the Politics of Historization and the Crisis of Historicist Pastness // *Logos*. 2021. Vol. 31 (4). P. 65—94. — In Russ.)
- [Бенн 2011] — *Бенн С.* Одежды Клио / Пер. с англ. М. Кукарцевой, А. Макарова. М.: Канон-Плюс, 2011.
- (*Benn S.* The Clothing of Clio. Moscow, 2011. — In Russ.)
- [Берк 2015] — *Берк П.* Что такое культуральная история? / Пер. с англ. И. Полонской. М.: ВШЭ, 2015.
- (*Burke P.* What is Cultural History? Moscow, 2015. — In Russ.)
- [Васильев 2014] — *Васильев А.Г.* Историческая культура // Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь. М.: Аквилон, 2014. С. 169—171.
- (*Vasil'yev A.G.* Istoricheskaya kul'tura // *Teoriya i metodologiya istoricheskoy nauki. Terminologicheskii slovar'*. Moscow, 2014. P. 169—171.)
- [Жанайдаров 2017] — *Жанайдаров Д.* Историческое воображение Виктора Шкловского-сценариста // Новое литературное обозрение. 2017. № 147. С. 28—45.
- (*Zhanaydarov D.* Istoricheskoe voobrazhenie Viktora Shklovskogo-stsenarista // *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2017. No. 147. P. 28—45.)
- [Женетт 1998] — *Женетт Ж.* Фигуры / Пер. с фр. С. Васильевой, Е. Гальцовой и др. под ред. С. Зенкина: В 2 т. Т. 2. М.: Изд-во Сабашниковых, 1998.

- (Genette G. Figures: En 2 t. T. 2. Moscow, 1998. — In Russ.)
- [Йордахайм 2021] — *Йордахайм Х.* Множественное время и стратиграфии истории / Пер. с англ. И. Кобылина // Логос. 2021. Т. 31 (4). С. 95—118.
- (Jordheim H. Multiple times and stratigraphies of history // Logos. 2021. Vol. 31. No. 4. P. 95—118. — In Russ.)
- [Касториадис 2003] — *Касториадис К.* Воображаемое установление общества / Пер. с фр. Г. Волковой, С. Офертас. М.: Гносис-Логос, 2003.
- (Castoriadis C. L'institution imaginaire de la société. Moscow, 2003. — In Russ.)
- [Кобылин, Николаи 2019] — *Кобылин И., Николаи Ф.* «Философская история» Хейдена Уайта, или О пользе и вреде жизни для историографии // Новое литературное обозрение. 2019. № 155. С. 95—105.
- (Kobylin I., Nikolai F. "Filosofskaya istoriya" Kheydena Uayta, ili O pol'ze i vrede zhizni dlya istoriografii // Novoe literaturnoe obozrenie. 2019. No. 155. P. 95—105.)
- [Левада 1969] — *Левада Ю.А.* Историческое сознание и научный метод // Философские проблемы исторической науки / Ред. А.В. Гулыга, Ю.А. Левада. М.: Наука, 1969. С. 168—220.
- (Levada Yu.A. Istoricheskoe soznanie i nauchnyy metod // Filosofskie problemy istoricheskoy nauki. Moscow, 1969. P. 168—220.)
- [Ле Гофф 2001] — *Ле Гофф Ж.* Средневековый мир воображаемого / Пер. с фр. Е. Морозовой. М.: Прогресс, 2001.
- (Le Goff J. L'Imaginaire medieval. Moscow, 2001. — In Russ.)
- [Лоренц 2021] — *Лоренц К.* Вне времени? Критические размышления о презентизме Франсуа Артога / Пер. с англ. А. Запольской // Логос. 2021. Т. 31 (4). С. 31—64.
- (Lorenz Ch. Out of Time? Some Critical Reflections on Francois Hartog's Presentism // Logos. 2021. Vol. 31 (4). P. 31—64. — In Russ.)
- [Мейнеке 2004] — *Мейнеке Ф.* Возникновение историзма / Пер. с нем. В. Брун-Цехового. М.: РОССПЭН, 2004.
- (Meinecke F. Die Entstehung des Historismus. Moscow, 2004. — In Russ.)
- [Могильницкий 2014] — *Могильницкий Б.Г.* Историческое сознание // Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь. М.: Аквилон, 2014. С. 189—191.
- (Mogil'nikskiy B.G. Istoricheskoe soznanie // Teoriya i metodologiya istoricheskoy nauki. Terminologicheskii slovar'. Moscow, 2014. P. 189—191.)
- [Олейников 2016] — *Олейников А.* Политика времени // Социология власти. 2016. № 2. С. 8—14.
- (Oleynikov A. Politika vremeni // Sotsiologiya vlasti. 2016. No. 2. P. 8—14.)
- [Олейников 2021a] — *Олейников А.* Современная историчность и политика времени // Фонд «Либеральная миссия». 26.04.2021 (<https://liberal.ru/authors-projects/sovremennaya-istorichnost-i-politika-vremeni> (дата обращения: 06.10.2023)).
- (Oleynikov A. Sovremennaya istorichnost' i politika vremeni // Fond "Liberal'naya missiya". 26.04.2021 (<https://liberal.ru/authors-projects/sovremennaya-istorichnost-i-politika-vremeni> (accessed: 06.10.2023)).)
- [Олейников 2021б] — *Олейников А.* Время истории // Логос. 2021. Т. 31 (4). С. 5—30.
- (Oleynikov A. Vremya istorii // Logos. 2021. Vol. 31 (4). P. 5—30.)
- [Репина 1996] — *Репина Л.П.* Вызов постмодернизма и перспективы новой культурной и интеллектуальной истории // Одиссей-1996. М.: Наука, 1996. С. 25—38.
- (Repina L.P. Vyzov postmodernizma i perspektivy novoy kul'turnoy i intellektual'noy istorii // Odissey-1996. Moscow, 1996. P. 25—38.)
- [Репина 2006] — *Репина Л.П.* Историческая культура как предмет исследования // История и память: историческая культура Европы до начала Нового времени / Под ред. Л.П. Репиной. М.: Кругъ, 2006. С. 5—18.
- (Repina L.P. Istoricheskaya kul'tura kak predmet issledovaniya // Istoriya i pamyat': istoricheskaya kul'tura Evropy do nachala Novogo vremeni. Moscow, 2006. P. 5—18.)
- [Сартр 2001] — *Сартр Ж.-П.* Воображаемое. Феноменологическая психология воображения / Пер. с фр. М. Бекетовой. СПб.: Наука, 2001.
- (Sartre J.-P. L'Imaginaire: Psychologie phénoménologique de l'imagination. Saint Petersburg, 2001. — In Russ.)
- [Сорочан 2015] — *Сорочан А.Ю.* Формы репрезентации истории в русской литературе XIX века. Тверь: Изд-во Марины Батасовой, 2015.
- (Sorochan A.Yu. Formy reprezentatsii istorii v ruskoj literature XIX veka. Tver, 2015.)
- [Тейлор 2017] — *Тейлор Ч.* Секулярный век / Пер. с англ. А. Васильев, Л. Колкер и др. М.: ББИ, 2017.
- (Taylor Ch. A Secular Age. Moscow, 2017. — In Russ.)
- [Уайт 2002] — *Уайт Х.* Метаистория: историческое воображение в Европе XIX века / Пер. с англ. Е. Трубиной, В. Харитонова.

- Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2002.
- [White H. *Metahistory: The Historical Imagination in Nineteenth-century Europe*. Ekaterinburg, 2002. — In Russ.)
- [Шартье 2002] — Шартье P. Интеллектуальная история и история ментальностей: двойная переоценка? / Пер. с фр. Н. Мовниной // Новое литературное обозрение. 2002. № 66. С. 17—47.
- [Chartier R. *Histoire intellectuelle et histoire des mentalités. Trajectoires et questions // Noveoe literaturnoe obozrenie*. 2002. No. 66. P. 17—47. — In Russ.)
- [Ankersmit 2010] — Ankersmit F. The necessity of historicism // *Journal of the Philosophy of History*. 2010. Vol. 4. Iss. 2. P. 226—240.
- [Bevir 2015] — Bevir M. Historicism and Critique // *Philosophy of the Social Sciences*. 2015. Vol. 45. No. 2. 227—245.
- [Eisenstadt 2000] — Eisenstadt S. Multiple Modernities // *Daedalus*. 2000. Vol. 129. No. 1. P. 1—29.
- [Iser 1991] — Iser W. *Das Fiktive und das Imaginäre. Perspektiven literarischer Anthropologie*. Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 1991.
- [Koselleck 2000] — Koselleck R. *Zeitschichten. Studien zur Historik*. Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 2000.
- [Landwehr 2014] — Landwehr A. *Geburt der Gegenwart. Eine Geschichte der Zeit im 17. Jahrhundert*. Frankfurt a.M.: Fischer, 2014.
- [Rüsen 1994] — Rüsen J. Was ist Geschichtskultur? Überlegungen zu einer neuen Art, über Geschichte nachzudenken // *Historische Faszination. Geschichtskultur heute* / Hrsg. von K. Fußmann, H.T. Grütter. J. Rüsen. Köln: Böhlau, 1994. S. 3—26.
- [White 2014] — White H. *The Practical Past*. Evanston, IL: Northwestern University Press, 2014.
- [Woolf 2003] — Woolf D. *The Social Circulation of the Past*. Oxford: Oxford University Press, 2003.